

Общественно-политический фон России военного периода дополняют материалы, посвященные значимым государственным институтам, общественным организациям и инициативам: Особым совещаниям по обороне (с. 304–305), Союзам земств и городов (с. 207–208), Центральному Военно-промышленному комитету (с. 407–408), Скобелевскому комитету для оказания помощи раненым и инвалидам войны (с. 364), военно-общественным союзам, кампании 1917 г. по формированию добровольческих частей и др.

Авторы словаря создали насыщенную картину жизни фронта и тыла, которую отличают, с одной стороны, глубокая детальность, а с другой – широта и полифония. Кроме того, издание содержит богатый иллюстративный материал – многие статьи сопровождают фотографии, рисунки, карты-схемы. Особенно следует отметить картографическое приложение, демонстрирующее развитие ситуации на театрах военных действий и территориальные итоги войны. В заключительном разделе представлены статистические сведения и таблицы, которые значительно расширяют информационно-справочные возможности словаря (с. 445–450).

Работа над энциклопедическими произведениями обычно предполагает решение авторами утилитарной задачи – создать максимально краткое, информа-

тивное описание объекта или предложить непредвзятое, объективное изложение вопроса, причём делать это приходится весьма ограниченными средствами, которые продиктованы традициями жанра. Однако выполнение этой задачи будет более успешным, если энциклопедию помимо справочной функции отличают продуманное композиционное оформление и концептуальное звучание. Именно такими достоинствами в полной мере обладает рецензируемый энциклопедический словарь. Он представляет собой и информационно наполненное справочное издание, способное привлечь внимание самых разных аудиторий, и проникнутое особым пафосом произведение, отвечающее значению и масштабам великой трагедии, которая спустя столетие служит назиданием современному миру.

Примечания

¹ Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983; Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М., 1985; Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М., 2004; Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: Энциклопедия. В 3 т. М., 2012.

² Залесский К.А. Кто был кто в Первой мировой войне: биографический энциклопедический словарь. М., 2003.

Владимир Буддаков

Нераспознанный фарс истории

Vladimir Buldakov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

History's unrecognized farce

Политическая обывденность наших дней поразительно быстро и как-то незаметно становится *историей*. Когда Игнац Лозо, автор данной книги*, позвонил мне из Германии 10 июля 2012 г. и спросил,

почему в России до сих пор не написано *научной* монографии о событиях августа 1991 г., я испытал некоторое замешательство. Действительно, почему? Может потому, что историк «знает настоящее с

* Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 462 с., ил.

тыла, а не с лица»¹. Неужели в силу именно этого профессионального «недостатка ремесла» всякий историк в данном случае склонен ограничиться аналогиями с августом 1917 г.²

На мой взгляд, помимо прочих причин, эта тема вызывает у авторов, способных на объективное освещение тогдашнего политического переворота, подобие безразличного отторжения. Слишком много нелепых страстей накручено вокруг этого события, существует более двух десятков противоречащих друг другу мемуаров, ряд агиографических сочинений, а самые важные документы (то, с чем привыкли работать тяжёлые на подъём служители Клио) остаются засекреченными. Вдобавок августовский путч в свете последующих политических событий постоянно меняет свою окраску, вплоть до ротации «героев» и «злодеев». Но главная причина, вероятно, в другом. То, чему свидетелями мы были, кажется *ещё* не историей – трудно отделаться от свежих эмоциональных «помех». Наше укороченное житейское сознание постоянно деформирует смыслы «большой» истории – особенно при ощущении «обманутости» в ожиданиях. Да и сам «август 1991-го» в глазах нового поколения «съёжился», превратившись в неловкий эпизод некогда официально провозглашённой «эпохи реформ». Как-то странно признаваться в том, что «августовский путч сыграл роль той соломинки, которая сломала хребет империи»³. Не случайно на протяжении более чем двух десятилетий продолжается дегероизация тогдашних «победителей». И если события последних лет обостряют свойства нашей психики, в основе которой лежит «смутный страх перед грядущими космическими потрясениями»⁴, то стоит ли ворошить не остывшие угли прошлого?

И. Лозо лишён этих предубеждений. В августе 1991 г. он, 28-летний тележурналист, невольно стал главным поставщиком информации из России для всей Германии (с. 11–12). Немцы, жаждущие скорейшего объединения, реагировали на события в СССР не менее остро, чем его граждане. И это произошло тем естественнее, что современные СМИ делают всякое заметное событие преувеличенно масштабным и приближённым.

Как бы то ни было, с этого момента автор книги принялся скрупулёзно собирать информацию о путче. Несомненно, он находился в весьма выгодном положении: между ним и объектом исследования сохранялся должный уровень отчуждения, фигуранты событий по понятным причинам охотно и многократно давали ему и его коллегам интервью. Но главное в другом: он стал обладателем «строго засекреченного» пятитомного обвинительного заключения о деле Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП). Его передала ему, ничуть не побоявшись ответственности за этот шаг, Т.А. Шенина, вдова одного из самых решительных «заговорщиков» – О.С. Шенина, сожалевшего, что он не смог официально войти в состав этого комитета (с. 167).

Позднее книга была защищена в качестве докторской диссертации, хотя Лозо только и делал, что «поправлял» мэтров германской (и не только) советологии, далеко не сразу ухвативших суть произошедшего (с. 168, 179, 236, 250, 309, 353–355). Основные события августа 1991 г. воспроизведены им на основе так называемой устной истории. И здесь он проявил себя блестящим источниковедом. Дело не только в том, что были опрошены, причём неоднократно, все ключевые свидетели. Удалось показать, как в их рассказах появлялись и исчезали те или иные «детали», менялась коннотация событий, до какой степени эмоции пережжёвывали память. Обнаружил Лозо и откровенных фантазёров, вроде Г.Х. Попова (с. 100), и «наглых фальсификаторов» (с. 144), показал теле- и кинематографические истоки бытующих и по сей день легенд (с. 103–105), отметил сохраняющуюся в России (и необычную, на его взгляд) «предрасположенность населения к абсурдным утверждениям и тайным заговорам» (с. 143). В результате представленная им версия события, складывающаяся из почти детективных микросюжетов, выглядит не только убедительно, но и поучительно.

Основные выводы автора таковы. Широко распространённые подозрения, что Президент СССР М.С. Горбачёв сам был «участником заговора», несостоятельны (по меньшей мере, по формальным признакам), хотя он давно строил

планы «наведения порядка» и даже инициировал соответствующие публичные заявления со стороны будущих (им же выдвинутых) гёкачепистов (с. 116, 119, 122, 127). В сущности, двойственностью своего поведения он невольно спровоцировал их (с. 42, 117–118, 124, 128–129). Заговорщики, со своей стороны, вели себя опасно, надеясь «подтолкнуть» президента в нужном направлении (с. 130, 170). При этом они нервничали и колебались, стремились повязать друг друга круговой порукой (с. 182). Горбачёв называл их не только «преступниками» и «самоубийцами» (с. 131), но и крыл непечатными словами (с. 136–137), видимо, пребывая в убеждении, что по возвращении в столицу его «хозяйского» окрика будет достаточно, чтобы всё вернулось на круги своя. О возможности путча президента предупреждали, нагоняя общественные страхи и вызывая официальные опровержения, едва ли не за год до случившегося (с. 39–40). В «перестроечном» тумане очертания потенциальных заговорщиков становились более чёткими (с. 43–44), со стороны консерваторов из Верховного Совета СССР прозвучало недвусмысленное «Слово к народу» (с. 46), но он и тогда не внял голосу того, чего по стандартной логике развития подобных событий не могло не быть. «Богатый» опыт номенклатурного управления вкупе с «перестроечным» идеализмом не только заставили посчитать все предупреждения наивными (с. 44), но и перевесили инстинкт самосохранения.

Из практики советского прошлого становятся понятными и особенности поведения его противников. Настоящим заговорщиком был разве что председатель КГБ В.А. Крючков (на чём, ясное дело, сошлись позднее в своих показаниях гёкачеписты). Он готовил путч вместе с Шениным не менее недели (с. 75, 157), а «принципиальное решение» о нём было принято – *«однако только главными организаторами»* – 16 августа (с. 166). А в общем ситуация накалялась, превращаясь в реальный путч по мере появления танков на улицах Москвы.

Вольно или невольно, главным «обвиняемым» на страницах книги становится сама российская традиция властвования,

от которой одинаково наивно пытались избавиться и Горбачёв, и Ельцин, которые в равной мере вели себя «непоследовательно и своевольно» (с. 80), выступая порой не только противниками, но и союзниками (с. 87, 92). Вглядываясь в описанные перипетии событий, не устаёшь удивляться тому, насколько уверенно Клио, используя возбуждённое воображение современников, расставляет нужных актёров судьбоносного, по любимому выражению того же Горбачёва, действия по своим местам. Власть в России периодически становится слишком самоуверенной и слепой, общественное мнение – беспокойным и мнительным. А тем временем в театре истории готовится неизбежный «выстрел» из давно вывешенного на всеобщее обозрение «ружья».

Разумеется, Лозо, как и положено историку (в отличие от журналиста), показал и тех, кто был объективно заинтересован в сдерживании перестройки. Впрочем, и партийная номенклатура, и значительная часть армейского руководства, и деятели ВПК не скрывали своих установок. Точно так же были видны устремления «разрушителей» советской империи. На этом фоне попытки Горбачёва остановить неизбежное путём различных договорённостей, его уверенность в личной способности «заговорить» любого собеседника смотрелись попытками спастись от ливня с помощью бумажной салфетки. Власть – более древнее и устойчивое понятие, нежели перестройка, само звучание которой к августу 1991 г. уже вызывало подобие идиосинкразии. С другой стороны, сам сценарий мягкого преобразования «красной империи» в свою демократическую противоположность на фоне кризисного ритма российской истории выглядит сомнительно. При этом Горбачёв постоянно находился во власти всевозможных слухов, в том числе и о том, что его подслушивает КГБ (с. 101). Ситуация знакомая. «Внешнее руководство, которое гуртом пасёт в обыкновенные времена стада человеческие, слабеет во времена переворотов, люди, оставленные сами на себя, не знают, что им делать», – заметил в своё время А.И. Герцен⁵.

Подготовленный Горбачёвым союзный договор, вроде бы спровоцировавший

путчистов, Лозо не без оснований называет «абсурдным» – его противоречивые статьи непременно перетолковали бы в свою пользу договаривающиеся стороны (с. 71–72, 82, 93). Однако Михаил Сергеевич, и по сей день пребывающий в убеждении, что «СССР можно было спасти», спешил с его подписанием, назначив это событие на 20 августа. На правовую сторону вопроса он, как и положено коммунистическому лидеру, не обращал внимания (с. 90–91). По плану договор должны были подписать только Россия, Казахстан и Азербайджан, что по замыслу повлекло бы за собой подобие цепной реакции. Стоит заметить, что в прошлом имелся «достойный» прецедент: первая Конституция СССР (январь 1924 г.) была принята более чем через год после провозглашения союзного государства. Но в отличие от Договора 1922 г. горбачёвский план оказался обречён – в жизни коммунистической государственности дезорганизационные процессы доминировали.

Согласно автору, действия ГКЧП «местами были неоднозначными, местами импровизированными, а местами нерешительными», а цели противоречивыми (с. 148, 159, 161). Он уловил, что в заявление путчистов о болезни Горбачёва никто не поверил, и это стало причиной психологического отторжения от них массы москвичей (с. 158). Но вряд ли можно согласиться с его замечанием о том, что в случае своей победы путчисты переставали в нём нуждаться (с. 149–150). Одни из них, как и Горбачёв, цеплялись за идею преемственности власти в её привычной иерархии, в сознании других утвердилась практика дворцовых переворотов: «с Хрущёвым поступили так же» (с. 164). Не случайно путчисты готовы были дать Горбачёву «последний шанс», что и вылилось в нелепый визит их делегации в Форос 18 августа (с. 168, 170). Отсюда и появление среди заговорщиков одного странного персонажа. «Проныру» Г.И. Янаева (так Горбачёв в сердцах обозвал своего заместителя) Крючков попросту закинул на пост главы ГКЧП, словно воспользовавшись тем, что тот «был в подпитии». Лозо даже охарактеризовал формального главу ГКЧП как «почти трагическую фигуру» (с. 211). Увы, обычно история гото-

вит «пронырам» скорее шутовскую роль. На знаменитой пресс-конференции Янаев поначалу отказывался занять место в центре пятерых (из восьми) путчистов, а потом своими трясущимися руками создал безнадёжный имидж ГКЧП (с. 174, 181, 186, 209–210).

В сущности, гэкачепистов, как и Горбачёва, подвела внутренняя неуверенность. Интересно, что они также демонстративно отмежевывались от КПСС (хотя её тогдашние лидеры принимали в разработке их планов деятельное участие), полагая, что наведение порядка на чисто деловой основе больше понравится людям (с. 185). Похоже, что они надеялись и на тактические договорённости с Ельциным для укрепления своих позиций в массе населения. И хотя Крючков «ещё 18 августа дал первые указания о подготовке *возможного* военного захвата штаб-квартиры Б. Ельцина» в Архангельском, соответствующего приказа так и не последовало (с. 200, 268). Привычка заговорщиков к «коллегиальному принятию решений» и всевозможным «согласованиям» и привела их к провалу. Лозо установил, что Крючков, требуя захвата Белого дома, «действовал без мандата ГКЧП, его поддерживали члены Комитета Б. Пуго, О. Бакланов и А. Тизяков; партийные функционеры О. Шенин и Ю. Прокофьев также высказывались за штурм Белого дома» (с. 216). При этом «практически всё армейское руководство поддерживало путч или не противодействовало ему» (с. 219). Однако после того как 20 августа планы штурма начали приобретать конкретные формы, маршал Д.Т. Язов и военные принялись саботировать их, явно уклоняясь от личной ответственности (с. 221–224, 230). Управленческие навыки режима, который принято считать тоталитарным, делали его представителей беспомощными в критических обстоятельствах.

Не секрет, что в обществе и по сей день существует убеждение, что в тогдашней ситуации Горбачёв выжидал, на чью сторону склонится чаша весов. Резонно предположить, что ему казалось, что, опираясь на того или иного победителя, он утвердится в своей легитимности. Но из книги следует, что по-настоящему выжидал иной человек – А.И. Лукьянов.

«Из всех членов или сторонников ГКЧП Председателя Верховного Совета СССР следует рассматривать как человека, действующего крайне расчётливо и оппортунистически», — заключает автор (с. 255). Развитие событий форсировала «бескомпромиссность позиции российского руководства» (с. 226). На деле твёрдость Ельцина была скорее величиной виртуальной — телевизионной «фигурой на танке».

22 августа стало ясно, что и СССР, и персонально Горбачёв обречены. Президент СССР сам заронил подозрения в причастности к ГКЧП, бросив на пресс-конференции фразу: «Всё равно всего я не скажу» (с. 252–253). Такая высокомерная уклончивость не могла не показаться неуместной — особенно на фоне подкупающей прямоты «решительного» Ельцина. Лозо вполне к месту напомнил русскую поговорку: «Два медведя в одной берлоге не уживутся» (с. 79). И это тоже закон революции. Лозо мог бы напомнить, что в августе 1991 г. несостоявшийся вице-президент России А.В. Руцкой заявлял с телеэкрана, что гёкачепистов стоило бы расстрелять, а через два года призывал к насильственному свержению президента Ельцина. Ныне его, скорее всего, «вспоминают» как последовательного сторонника ГКЧП.

Любопытно, как реагировали на развязку «путчисты поневоле». Их «покаянный» визит в Форос, по словам О.Д. Бакланова, «изначально бессмысленная поездка» — характерное тому подтверждение (с. 250). А самоубийца Б.К. Пуго в предсмертной записке признал, что «совершил абсолютно неожиданную для себя ошибку, равноценную преступлению», и сожалел о «всплеске неразумности» со своей стороны (с. 173). В общем, этот ГКЧП концентрировал в себе все слабости обречённого режима. Лозо считает, что в августовских событиях «борьбы не на жизнь, а на смерть не было, за кулисами между представителями политической элиты, которая корнями уходила в КПСС, существовали клановые отношения» (с. 249). С этим нельзя не согласиться.

Но автор не отказался от исторических аналогий, увы, не очень удачных. Отмечая, что путчисты не встретили ни малейшей поддержки в Ленинграде, он пишет:

«В 1917 г. здесь начался миф “Великой Октябрьской революции”, в действительности оказавшейся путчем большевиков во главе с В. Лениным, из-за чего оказались разрушены демократические структуры, которые начали развиваться после свержения царя в феврале 1917 г. Спустя 74 года политические внуки В. Ленина также устроили путч, чтобы спасти его наследие. Однако при этом они сознательно избегали любого упоминания об основателе Советского государства и его коммунистической идеологии» (с. 269). На мой взгляд, следовало бы отказаться от наивной политизации старых и новых исторических событий и взглянуть на них сквозь призму российских системных кризисов начала и конца XX в. И тогда окажется, что путчисты невольно пародировали генерала Л.Г. Корнилова, а Горбачёв оказался на месте А.Ф. Керенского. Российская смута разрасталась по своим собственным законам, т.е. вопреки субъективным усилиям её главных политических фигурантов. Авторитет Ельцина, как и авторитет Ленина (против мнимых последователей которого он вроде бы боролся), рос, в сущности, помимо его собственных усилий. История делала и делает своих «героев» из подручного человеческого материала. Историк не вправе забывать об этом.

Мне тоже пришлось в некотором роде стать очевидцем событий. Рано утром 19 августа по дороге на Курский вокзал я был поражён пустотой московских улиц. Тогда же с большим опозданием прибыл тбилисский поезд, пришлось выслушивать ворчание усатых проводников: «бардак», танки перекрыли путь, «что у вас творится, кацо?» Исход событий показался мне предreshённым после того, как я увидел, что скучающие бойцы из бригады КГБ, дислоцированные возле библиотеки им. Ленина, «вооружены» автоматами без магазинов. Они охотно поедали мороженое, предлагаемое им праздными девицами. Это больше походило на запоздалую демонстрацию силы, которая, естественно, москвичей смутить не могла. Победный путч обычно оставляет впечатление безжалостной непреклонности. Теперь же только в ночь на 21 августа, когда по естественному сценарию развития событий ждали штурма Белого дома, накатило

ощущение жути происходящего. Но это было исключительным «достижением» радиоэфира.

В августе 1991 г. миф бежал впереди событий и, тем более, историков. Все почему-то всерьёз поверили в начало штурма Белого дома, в чём непрерывно убеждала радиостанция «Это Москвы». Трагическая гибель трёх человек близ тоннеля под проспектом Калинина была воспринята как подвиг, остановивший штурм. На деле бронетранспортёры двигались в сторону от Белого дома, их экипажам было приказано не поддаваться на провокации. Но в реальность штурма готовы были поверить не только москвичи (я не составлял исключения), но и западные историки. Началась торопливая героизация нелепых, увы, событий (с. 244, 252–253). Постепенно их потеснил миф о том, что сотрудники «Альфы», военные и едва ли не все рядовые сотрудники КГБ отказались выполнять приказ о штурме (с. 379, 385).

В представлениях о переломных моментах прошлого не находится места случайному и нелепому, человеческое воображение всегда склоняется к закономерному и героическому. В противном случае история попросту теряет свою притягательность. Как бы то ни было, весть о жертвенной гибели трёх противников всего «старого» и «преступного» сделала ход событий необратимым. Символическое, как всегда, возобладало над реальным – таков «закон» нашего восприятия прошлого.

29 мая 2014 г. я вёл презентацию книги Лозо в Доме журналистов. И это походило на продолжение августовской *истории*. Аудитория, что примечательно, была немногочисленной – присутствовали в основном те, кого книга непосредственно задевала. Участники последовавшей в ходе презентации дискуссии придерживались исключительно «своего» взгляда на события. К взрыву их страстей я не был готов. Так, Ю.А. Прокофьев (бывший секретарь московского горкома КПСС) пылко доказывал, что главный заговорщик – Горбачёв. Оказывается, Президент СССР знал, что московские коммунисты собираются на днях исключить его из своих рядов, а потому ему не оставалось ничего иного как пойти ва-банк. Между прочим, в своё время, как только обозначился конец ГКЧП, Прокофьев охарак-

теризовал его действия как «политическую провокацию», а за ним последовали другие партийные руководители (с. 248, 265). Теперь же попытки убедить его (в том числе в личной беседе) в чём-то ином оказались бесплодными. Шенина была не менее решительна и прямолинейна, чем её покойный супруг (с. 152). Для неё и Горбачёв, и Ельцин остались всего лишь «предателями». И такие эмоции всё ещё господствуют над нашим историческим сознанием. В своей книге Лозо отметил, что «теории заговора растут, как на дрожжах, когда информация либо отсутствует, либо утаивается в чьих-то интересах, либо распространяется в чьих-либо интересах» (с. 149). Это стандартное объяснение, пригодное скорее для западного, нежели российского культурного пространства. Дискуссия подтвердила, что «наш» человек, переживший «смуту» что в XVII, что в XX в., без образа коварного злодея, притаившегося за очередным поворотом истории, просто не может существовать.

Р.И. Хасбулатов показал себя удивительно обходительным человеком: появившись на презентации, он в первую очередь расцеловался с 90-летним Язовым. Последний сказал всего несколько слов: заговорщиком он не был, ввязываться в драку, конечно, не собирался, войска отвлёк самовольно, чем помог разрешению конфликта. Что касается Хасбулатова, то в ораторском искусстве ему нельзя было отказать. Он долго вещал в «примиренческом» дискурсе, затем как-то незаметно сменил тональность. Из концовки его речи можно было вынести твёрдую уверенность, что «успех» событий обеспечил именно он вопреки нерешительному поведению «непросыхавшего» Ельцина, которого в полном смысле слова приходилось «подталкивать в зад». И конечно, будущий Президент России мог быть союзником кого угодно. А в целом, после серии проклятий в адрес первого и последнего Президента СССР явно смущённые, чтобы не сказать больше, представители Горбачёв-фонда предпочли отмолчаться. Да и сам я никак не ожидал такого выплеска эмоций.

Книга всё же оставляет впечатление «прогорбачёвской», ибо автор решительно отвергает как активное, так и пассивное участие Горбачёва в заговоре (с. 116).

Вероятно, имплицитно сказалось то, что исторически невнятная у себя на родине эта фигура совсем по-иному смотрелась и смотрится на Западе. Не случайно в немецком оригинале книга Лозо называется «Путч против Горбачёва и конец Советского Союза», а в 2010 г. на германском телевидении появился даже документальный телефильм «Путч против немецкого единства» (Лозо его высмеивает (с. 108)). Но участникам дискуссии было не до тонкостей. Они видели лишь то, что подтверждало одну единственную «правду» – свою собственную.

Впрочем, готов усомниться: это у меня осталось именно такое впечатление от дискуссии; её стенограмма могла бы обнаружить нечто иное. Историки постоянно забывают, что природа тех источников, которые считаются «аутентичными», является крайне зыбкой. Иначе и не может быть, ибо те исторические события, которые мы считаем «решающими», на деле сотканы не из прямолинейной решительности (как может показаться), а из эфемерных человеческих страстей. И трудно сказать, что именно в зыбкой психоауре так называемых точек исторической бифуркации приобретает определяющее значение. Тем более не стоит удивляться, что кому-то со временем события августа 1991 г. покажутся величайшей «геополитической катастрофой». Увы, наши привычные преувеличения – всего лишь отражение страхов перед неотвратимостью будущего. Как выяснилось, участники дискуссии не имели ни малейшего представления о том, что 74 года назад, в конце августа 1917 г. в тогдашней тоже революционной России произошло нечто подобное. Историки, включая меня самого, не раз писали об этом⁶. И поневоле возникает вопрос: как бы повели себя августовские путчисты, знай они о безнадёжности исторической затеи генерала Корнилова? Говорят, история повторяется дважды: сначала как трагедия, потом как фарс. Но когда люди научатся распознавать её динамику, скрывающуюся за обманчивыми политическими вывесками? Конечно, «мудрость веков» может на время поблекнуть перед пугающими вызовами современности, но нельзя забывать, что история в той мере остаётся «учительницей жизни», в какой неизменна природа человека. Однако по-

чему «голоса истории» остаются столь безнадежно нерасслышанными? Может быть, фарс откладывается в людской памяти всё же иначе, чем трагедия?

События августа 1991 г. в сознании россиян ещё не «остыли». Они остаются заложниками политических ветров современности. Лозо отметил, что в августе 1992 г. лишь 17% опрошенных сообщили, что считают путч началом эпохи обновления, 25 – назвали его катастрофой, 47 – заявили об углублении кризиса, а 11% – не имели мнения на этот счёт. В 2011 г. только 10% опрошенных считали события августа 1991 г. демократической революцией, 39 – назвали их трагедией, для 35 – это была борьба за власть и 16% – воздержались от ответа (с. 339, 340). Между прочим, в авторской программе Н.К. Сванидзе «Суд истории» 7% зрителей оценили действия ГКЧП как путч, а 93% – как попытку избежать распада страны.

Примечательно, что к автору книги участники дискуссии претензий не имели. Все сошлись на том (и это был единственный случай единодушия), что Лозо стоило бы рассказать и о событиях октября 1993 г. И с этим трудно не согласиться. Беспристрастные историографы в своём Отечестве вряд ли найдутся.

На сегодняшний день книга И. Лозо – наиболее полное и объективное изложение событий августа 1991 г. Остаётся только сожалеть, что перевод оказался слабее оригинала. Впрочем, даже это не мешает читать её с захватывающим интересом.

Примечания

¹ Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX. М., 1990. С. 358.

² См., например: Булдаков В.П. Август 91-го: Тень генерала Корнилова // Панорама (Казань). 1991. № 9.

³ Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: Пути переосмысления. М., 2007. С. 122.

⁴ Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 371.

⁵ Герцен А.И. Былое и думы. Исповедь. М., 2003. С. 595.

⁶ См.: Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 366–371; он же. Quo vadis? ... С. 126, 165, 169–171.